

УДК 340.115.3

А.Б. Дидикин

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ АРГУМЕНТОВ У. КУАЙНА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ ПРАВА

Представлен анализ дискуссии о натурализации эпистемологии в аналитической философии права. Рассмотрены наиболее характерные примеры изменения философско-правовой аргументации под влиянием аргументов У. Куайна. Обосновывается позиция, согласно которой натурализация эпистемологии права в контексте методологии юридического объяснения возможна с ограничениями и с учетом специфики традиционных методов осмысления правовой реальности.

Ключевые слова: аналитическая философия права, эпистемология, У.В.О. Куайн, натурализация эпистемологии, правовой реализм.

Современные дискуссии о натурализации эпистемологии в аналитической философии права и возможностях построения натурализованной юриспруденции основываются на известном утверждении американского философа права Брайана Лейтера о «натуралистическом повороте» в философии права: «В то время как каждое из важнейших направлений философии – метаэтика, философия языка, эпистемология, философия науки, философия сознания – претерпели натуралистический поворот за последнюю четверть века, англо-американская философия права осталась нетронутой этим интеллектуальным течением» [1. Р. 80]. Одной из наиболее значимых причин для эволюции эпистемологии права в таком направлении стало влияние идей и аргументов классического правового реализма на осмысление правовой реальности и сущности права как социального феномена. Критика традиционной юриспруденции в правовом реализме подчеркивает существенный отрыв анализа сущности права от реальной практики судопроизводства и принятия правовых решений в концепциях юридического позитивизма [2. С. 154]. Кроме того, популярность идей натурализации в эпистемологии права во второй половине XX столетия связана с множеством противоречий при обосновании объективности и нормативной природы права, позволяющей в контексте традиционных философско-правовых концепций сформировать представление о единой и логически замкнутой системе правовых норм, способных оказывать всеобъемлющее влияние на практику правоприменения (Г. Кельзен, Г. Харт). Именно концепции нормативизма и неопозитивизма в философии права подверглись наибольшей критике в современных интерпретациях правового реализма, поскольку представления о праве как взаимосвязанной системе правовых норм не способствовали объяснению границ судебного усмотрения в процессе принятия решений, а также отражению влияния иных социальных факторов на судебную систему. В этом аспекте обоснованное Г. Хартом понятие «открытой структуры» права и разработка концепции аскриптивных правовых высказываний рассматривались как методологические средства моделирования и прогнозирования практики применения правовых норм [3]. Однако сложный процесс взаимодействия пра-

вовых норм при квалификации юридически значимого поведения участников правовых отношений, а также необходимость учета формальных процедур при принятии судебных решений вновь актуализировали вопросы разработки новой дескриптивной концепции судопроизводства.

Основой формирования натуралистического подхода в философии права являются попытки проведения аналогии между философскими аргументами У. Куайна в его критике априорного знания и классической эпистемологии, ориентированной на использование абстрактных философских понятий, а также обосновании Куайном необходимости развития философии в контексте эмпирических наук [4, 5]. Одной из причин возможности проведения такой аналогии в философии права стало сближение аргументации правового позитивизма и правового реализма при обосновании системы юридических правил в структуре правовой системы. В концепции Харта вторичные правила (правила признания, правила изменения, правила принятия решений) по содержанию выступают формальными требованиями и процедурами при разработке и принятии законодательства, а также при назначении и определении полномочий должностных лиц органов власти.

Какова природа этих правил? Если первичные правила выполняют регулятивную функцию и формулируются из практики существующих правовых отношений, то возможно их эмпирическое обоснование, которым могут пользоваться судьи при разрешении споров. В то же время вторичные правила, как, например, правила признания, закрепленные в Конституции и конституционных законах, эмпирическими по своей природе не являются. Для признания их легитимными необходимо достижение политического компромисса, как правило, отраженного в нормах Конституции, и подтверждения должностными лицами соблюдения таких конституционных правил в повседневной практике. Такой компромисс является фактором, влияющим на формирование правовой системы, но при этом учитывается как неюридический фактор. Без применения на практике, как отмечает Дж. Рэз, определить, какие правовые нормы являются правилом признания, невозможно, но именно этот методологический аспект в концепции Харта и правовом позитивизме часто игнорируется как несущественный [6. Р. 297]. В проекте натурализованной эпистемологии права неслучайно такое позитивистское рассуждение о вторичных правилах рассматривается как проявление традиционной эпистемологии, в которой априорное знание редко опирается на эмпирические данные отраслевых юридических наук как средство обоснования философских и научных выводов. Отсюда сформулированное по аналогии с аргументом Куайна предложение о замене классической нормативной теории права на иные дескриптивные теории, способствующие успешному изучению практики правоприменения, наиболее полно обоснованное в исследованиях Б. Лейтера. Философия права в представлении Б. Лейтера должна в своем развитии опираться на отраслевые юридические науки как с точки зрения преемственности знаний, так и преемственности методов [7. С. 60].

Однако аналогию с критикой Куайном фундаментализма в классической эпистемологии сложно провести в философии права. Наиболее близкими по

смыслу примерами могут быть нормативизм Г. Кельзена и неопозитивизм Г. Харта.

В нормативизме Кельзена право представляет собой систему правовых норм, имеющих логическую иерархию. Правовые нормы выступают объектом познания в юриспруденции, и их классификация основывается на признании априорно существующей «основной нормы», обладающей высшей юридической силой. Поскольку содержание «основной нормы» – основа правопорядка и функционирования государства, гипотетичность этой категории не позволяет обнаружить ее ни в содержании международных конвенций, ни в тексте Конституции государства. «Основная норма» постулируется как существующая, но при этом является трансцендентальной категорией, без которой логика конструирования иерархии правовых норм, а также их применения на практике не может быть обеспечена [8. С. 44]. Лейтер утверждает, что в концепции Кельзена характер закона определяется возможностью применения санкций, заложенных в структуре правовой нормы, и такое представление способствует дальнейшему развитию нормативизма в натуралистической перспективе [9. Р. 4]. С такой реконструкцией и утверждением невозможно согласиться, так как основной задачей нормативизма являлась разработка «чистой теории права», в рамках которой методология исследования правовой реальности не может опираться на методы других наук и учитывать неправовые факторы. Кроме того, нормативистская концепция юридической невалидации и выявления юридической значимости конкретных действий индивида позволяет в отдельных случаях успешно объяснять и характер применения правовых норм, и принятие судебных решений. Классификация правовых норм на общие и индивидуальные в контексте правоприменения и регулирования правовых отношений, таким образом, опирается на априорное знание о содержании «основной нормы» и в то же время на правовую интерпретацию эмпирических данных и поведения субъектов права. Натурализация такой концепции не способствует приращению научных знаний о сущности права и правовой системы.

Еще одним примером рассмотрения с точки зрения натурализованной эпистемологии права является неопозитивизм Харта. В неопозитивизме основные понятия и методы были модифицированы с целью осмысления проблемы соотношения нормативного и дескриптивного в правовой системе. Харт становится основоположником «лингвистического поворота» в философии права, используя идеи аналитической философии [10. С. 83]. В то же время теория Харта, как отмечает Лейтер, может быть раскрыта в натуралистической перспективе, поскольку вместо традиционных понятий представлены попытки их дескриптивного описания в свете «обыденного языка» и «открытой структуры» права, допускающей судебское усмотрение [11. Р. 296]. Харт признает возможность наличия пробелов в праве и неопределенности содержания правовых норм, которые учитывает судья при принятии решения. Но и в этом случае натурализация эпистемологии способствует искажению подлинных целей неопозитивизма в философии права по следующим основаниям.

Во-первых, в концепции Харта (в том числе в контексте аргументов Дж. Рэза) единство правовой системы как системы первичных и вторичных правила обеспечивается исключительно юридическими средствами – соблюдением принципов законодательного процесса в парламенте при принятии законов, конституционной законности и недопустимости расширительного

судебного толкования без учета буквы закона. При этом априорные вторичные правила ограничивают судебское усмотрение и становятся ориентиром на практике для развития отраслей законодательства

Во-вторых, эпистемологическое значение концепции аскриптивных правовых высказываний Харта состоит в том, что данная концепция позволяет приписывать юридическое значение эмпирическим фактам, что имеет важное значение для недопущения судебного произвола и нарушения ими правовых принципов [12. С. 48–49].

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о неопределенности термина «натурализм», который имеет множество специфических значений, каждое из которых присуще различным направлениям – юридическому позитивизму, правовому реализму и теориям естественного права. В частности, термин «правовой натурализм» применим к метафизическим концепциям естественного права, в которых естественное право рассматривается как форма проявления законов природы, или же рациональных представлений о естественных и неотчуждаемых правах человека [13. С. 380]. В данном случае эти классические концепции не могут быть натурализованы в рамках эпистемологии, поскольку основываются на понятийном аппарате и аргументации, не связанных с эмпирическими методами обоснования конечных выводов.

Однако в дискуссии о натурализации эпистемологии права, помимо распространения аргументов Куайна в области философии права, Лейтер рассматривает попытки анализа реальной практики судопроизводства в правовом реализме. Аналогия с тезисом Куайна о неопределенности перевода учитывается Лейтером при обосновании тезиса о неопределенности правовых норм и невозможности предсказания судебных решений с использованием правовых норм. Неопределенность, характеризующая содержание правовой нормы, связана с использованием юридических понятий, не имеющих отношения к эмпирическим фактам. Отсюда потребность в толковании правовых норм при принятии решений органами власти и судами. В правовом реализме обосновывается отказ от традиционных способов философско-правового обоснования, когда судебное решение объясняется анализом фактов судьей на основе действующих правовых норм (концепция Харта), которые по содержанию неопределенны и расширяют возможности судебного усмотрения [14. Р. 281].

Лейтер полагает, что эпистемологическая основа правового реализма базируется на философских представлениях о натурализации, когда процесс научного исследования правовых феноменов должен опираться на эмпирические данные, которыми могут являться реальные процедуры принятия решений судьями и практика деятельности административных органов государства. Именно неопределенность границ судебного усмотрения позволяет правовым реалистам отказаться от стандартной модели юридического объяснения, когда содержание правовой нормы предопределяет вывод судьи. Вместо стандартной модели они формулируют описательную концепцию судебного решения, выполняющую функцию предсказания действий судьи при принятии решения в зависимости от социальных и психологических факторов, которые и выступают эмпирическим подтверждением истинности такой концепции. Тем самым теория права в натурализованной перспективе превращается в научно обоснованную теорию принятия судебных решений. Лейтер отмечает, что «юриспруденция, или, точнее, теория судебных реше-

ний является “натурализованной”, поскольку становится для реалистов разделом психологии (или антропологии и социологии)» [15. Р. 36].

Аналогия с аргументом Куайна об эпистемологии как части психологии и необходимости эмпирического обоснования наших убеждений и интуиций проявляется и в утверждении Лейтера о фундаментальной неопределенности законов. Неопределенность закона предполагает и множество одинаково правомерных к использованию методов толкования его положений, а также в допущении пересмотра ранее принятых судебных решений и прецедентов. Если содержание закона не позволяет достоверно предсказывать одинаковые судебные решения в сходных фактических случаях, то, по мнению Лейтера, нужно исследовать и находить иные основания, позволяющие объяснить, как судьи принимают решения. Традиционное для правового реализма допущение, что у судьи возможен неограниченный выбор альтернатив при принятии судебного решения, ставит под сомнение научность юридического предсказания и прогноза.

Что же выступает основой судейского усмотрения и возможных прогнозов? В реальной судебной практике усмотрение судьи при толковании законов может опираться на сложившуюся экономическую модель или попытку принять наилучшее решение в текущих социально-экономических условиях [16]. Таким образом, натурализованная теория права, сохраняя традиционный понятийный аппарат, может использовать эмпирические данные социальных наук для изучения социальных механизмов принятия судебных решений. Отсюда следует, что иные понятия и термины в правовой сфере подвержены концептуальному анализу, что незначительно отличает взгляды правовых реалистов от позитивистских представлений о правовой реальности [17].

Однако подобная интерпретация философской аргументации Куайна и правового реализма для обоснования натуралистического подхода в философии права является необоснованной. Учитывая, что конкретные правовые случаи требуют толкования и интерпретации различным образом, отмена судебного решения апелляционной инстанцией не означает методологическую ошибку судьи при принятии решения или ученых при исследовании судебной практики. Кроме того, обоснование судебного решения либо решения органа власти с точки зрения теории права предполагает не только поиск и систематизацию эмпирических данных, но и обоснование правовой природы решения, его соответствия правовым принципам и правовым нормам, что и подлежит проверке вышестоящей судебной инстанцией. Соответствующие принципы не могут быть пересмотрены в силу обнаружения судебных ошибок и лишь уточняют содержание судебных прецедентов, на которые в дальнейшем будут опираться судьи при принятии решений.

Аргументы правовых реалистов относительно критики формализма в праве и следования букве закона также искажают реальную практику судопроизводства, поскольку именно соблюдение формальных процедур всеми участниками судебного процесса, установленных законом, является основой для признания судебного решения законным и во всех иных случаях влечет пересмотр судебного дела или его отмену. Тем самым рационализация судебного решения зависит не от возможной неопределенности правовых норм, а от поиска и применения юридически значимой аргументации, что по существу не требует натурализации эпистемологии в радикальной версии, представленной Лейтером.

Таким образом, рассмотренные версии построения натурализованной эпистемологии права, основанные на применении аргументов Куайна по аналогии в области философии права, могут применяться лишь с определенными ограничениями. Примеры прямого применения аргументов Куайна к критике априорности и неопределенности юридических норм в судебной практике (правовой реализм) и критике традиционной позитивистской эпистемологии в вопросе о границах судебного усмотрения (концепция Г. Харта) препятствуют поиску адекватной юридической аргументации для обоснования выводов. Отказ от соблюдения формальных юридических правил превращает процесс принятия судебных решений и законов в политический процесс под влиянием идеологии и изменчивых моральных представлений, исключая возможность соблюдения правовых принципов и построения эффективной правовой системы. Тем самым неопределенность права в натурализованной перспективе лишь возрастает.

Литература

1. Leiter B. Naturalism and Naturalised Jurisprudence // *Analyzing Law*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
2. Дидикин А.Б., Оглезнев В.В. *Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция*. Новосибирск, 2012.
3. Оглезнев В.В. Концептуальный анализ в философии права: границы применимости // Схолэ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 303–312.
4. Куайн У.В.О. *С точки зрения логики* / под ред. В.А. Суровцева. М., 2010.
5. Куайн У.В.О. *Слово и объект*. М.: Логос, Праксис, 2000.
6. Raz J. Authority, Law and Morality // *The Monist*. 1985. № 68. P. 295–324.
7. Дидикин А.Б. Современные интерпретации натурализма в аналитической философии права // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2008. Т. 6, вып. 1. С. 59–64.
8. Дидикин А.Б. Предыстория аналитической философии права: логическое и метафизическое в нормативизме Ганса Кельзена // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2012. Т. 10, вып. 4. С. 42–46.
9. Leiter B. Naturalizing Jurisprudence: Three Approaches // *Public Law and Legal Theory Working Paper*. 2008. № 246. P. 1–20.
10. Оглезнев В.В. Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология. 2009. № (8). С. 81–89.
11. Leiter B. Rethinking Legal Realism: Toward a Naturalized Jurisprudence // *Texas Law Review*. 1997. № 76. P. 267–315.
12. Оглезнев В.В. Концептуальный анализ как методологическое средство аналитической юриспруденции // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология. 2011. № 4 (16). С. 46–52.
13. Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Схолэ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 378–425.
14. Leiter B. Legal Realism and Legal Positivism Reconsidered // *Ethics*. 2001. № 111. P. 278–301.
15. Leiter B. American Legal Realism // *Public Law and Legal Theory Working Paper*. 2002. Vol. 042. P. 1–42.
16. Greenberg M. Naturalism and Normativity in the Philosophy of Law // *UCLA School of Law. Public Law and Legal Theory Research Paper Series*. 2011. № 07-17. P. 1–38.
17. Himma K.E. Reconsidering a Dogma: Conceptual Analysis, the Naturalistic Turn, and Legal Philosophy // *Current Legal Issues. Law and Philosophy*. 2008. URL: <http://ssrn.com>.

Didikin Anton B. Novosibirsk state university (Novosibirsk, Russian Federation)

THE LIMITS OF APPLICABILITY OF THE ARGUMENTS OF W. QUINE IN LEGAL EPISTEMOLOGY

Keywords: analytical philosophy of law, epistemology, W. Quine, naturalization of epistemology, legal realism

The paper presents the analysis of the discussion about naturalization of epistemology in the analytic legal philosophy. The most characteristic examples of the changing philosophical and legal arguments under the influence of arguments of W. Quine. The article substantiates the position that the naturalization of legal epistemology in the context of the methodology of legal reasoning are possible with restrictions, and taking into account the specifics of traditional methods of interpretation of legal reality.

References

1. Leiter B. *Naturalism and Naturalised Jurisprudence*. In: Bix B. (ed.) *Analyzing Law*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 327 p.
2. Didikin A.B., Ogleznev V.V. *Ontologiya i epistemologiya prava: analiticheskaya traditsiya* [Ontology and epistemology of law: the analytic tradition]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2012. 200 p.
3. Ogleznev V.V. Conceptual analysis in legal philosophy: the limits of its application. *Skhole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Scholae. Ancient Philosophy and the Classical Traditions*, 2014, vol. 8, issue 2, pp. 303–312. (In Russian).
4. Quine W.V. *S tochki zreniya logiki* [From the point of view of logic]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya” Publ., 2010. 272 p.
5. Quine W.V. *Slovo i ob"ekt* [Word and Object]. Translated from English by A.Z. Chernyak, T.A. Dmitriev. Moscow: Logos, Praksis Publ., 2000. 386 p.
6. Raz J. Authority, Law and Morality. *The Monist*, 1985, no. 68, pp. 295–324. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198260691.003.0010
7. Didikin A.B. Sovremennye interpretatsii naturalizma v analiticheskoy filosofii prava // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. 2008. T. 6, vyp. 1. S. 59–64.
8. Didikin A.B. History of analytic legal philosophy: the logical and the metaphysical in Hans Kelsen's normativism. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya*, 2012, vol. 10, issue 4, pp. 42–46. (In Russian).
9. Leiter B. Naturalizing Jurisprudence: Three Approaches. *Public Law and Legal Theory Working Paper*, 2008, no. 246, pp. 1–20.
10. Ogleznev V.V. Sources of modern analytical legal philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2009, no. 4(8), pp. 81–89. (In Russian).
11. Leiter B. Rethinking Legal Realism: Toward a Naturalized Jurisprudence. *Texas Law Review*, 1997, no. 76, pp. 267–315. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199206490.001.0001
12. Ogleznev V.V. Conceptual analysis as a methodological tool of analytical jurisprudence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2011, no. 4 (16), pp. 46–52. (In Russian).
13. Didikin A.B. Modern natural law theories and the classical tradition. *Skhole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Scholae. Ancient Philosophy and the Classical Traditions*, 2014, vol. 8, issue 2, pp. 378–425. (In Russian).
14. Leiter B. Legal Realism and Legal Positivism Reconsidered. *Ethics*, 2001, no. 111, pp. 278–301. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199206490.003.0004
15. Leiter B. American Legal Realism. *Public Law and Legal Theory Working Paper*, 2002, vol. 042, pp. 1–42. DOI: 10.1002/9781444320114.ch15
16. Greenberg M. Naturalism and Normativity in the Philosophy of Law. *UCLA School of Law. Public Law and Legal Theory Research Paper Series*, 2011, no. 07–17, pp. 1–38.
17. Himma K.E. Reconsidering a Dogma: Conceptual Analysis, the Naturalistic Turn, and Legal Philosophy. *Current Legal Issues. Law and Philosophy*, 2008. Available at: <http://ssrn.com>.